

И.С. Хугаев

«БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИСТ», «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТ», «ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТОЙ»: ОЧЕРК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ХЕТАГУРОВЕДЕНИЯ

И.С. Хугаев*

Аннотация. В статье рассматривается процесс освоения творческого наследия Коста Хетагурова осетинским общественным и литературным сознанием; выявляется его значение для осетинской, северокавказской и российской художественной литературы и публицистики; дается общий обзор комплекса наиболее симптоматичных суждений о личности и творчестве К.Л. Хетагурова, принадлежащих крупным деятелям осетинской и российской науки и культуры; фиксируются важнейшие моменты хетагуроведения с указанием их общественно-исторических и культурно-идеологических оснований; с учетом исторической динамики хетагуроведения и актуальной филологической проблематики предлагается критический очерк его главных современных положений и тенденций.

Ключевые слова: горское просвещение, осетинская литература, литературная критика, литературный билингвизм и транслингвизм, Коста Хетагуров, хетагуроведение, идеология.

Просветительская деятельность и художественное творчество Коста Левановича Хетагурова (осет. *Хетæгкаты Леуаны фырт Къоста*; 3 [15] октября 1859, Нар – 19 марта [1 апреля] 1906, Георгиевско-Осетинское) – осетинского поэта, прозаика, драматурга, публициста и живописца, основоположника осетинской литературы и осетинского литературного языка – оказали революционное влияние на развитие осетинского общественно-политического и литературного сознания. И по сей день Коста является для осетин образцом не только творческого гения, но и цельной и гармоничной натуры, соединившей в себе европейскую образованность и традиционную национальную культуру, четкие политические убеждения и широту души, твердость борца и милосердие поэта. Не будет преувеличением сказать, что Коста (осетины зовут его по имени, опуская этические формальности) – это уже элемент субстрата осетинского сознания, один из его ключевых архетипов. В определенной мере он мыслится соплеменниками в ряду самых ярких героев национальной истории и мифологии – от нартов Батраза и Фарнага до генерала Иссы Плиева. Даже те, кто не читал Коста, искренне его любят, сами не зная, за что. Но и знатоки его творчества – специалисты, деятели культуры и искусства – в какой-то мере пребывают под очарованием его творческой и человеческой натуры. Показательным в этом смысле представляется отзыв народного писателя Осетии Сергея Хугаева: «Из всех поэтов меня больше всего трогает Коста. И это не только потому, что он осетин, и я тоже. В нем есть что-то такое, чего нет в других. Не только в его творчестве, но и в самой его судьбе, в его

нравственном облике, в его взгляде на жизнь и людей есть что-то бесконечно дорогое моему сердцу...» [1]

Изучение творчества К.Л. Хетагурова, как любого крупного общественного и литературного деятеля, всегда было неразрывно связано с перипетиями социально-политического и культурного процесса. Естественно поэтому, что в прошлом о нем высказывались самые разные, порой полярные оценки (образ Коста, как мы увидим, знал даже минуты исторического забвения). Мы называем это историческим параллаксом: объект пребывает неизменным, а наблюдатель и оптика наблюдения – в непрерывном движении и развитии.

При жизни Коста его литературное творчество не могло еще быть предметом какого-либо анализа (хотя с 1887 года в кавказской прессе появляются заметки, в которых он упоминается как живописец¹ и работник культуры). Это связано как с объективными условиями бурной, переломной для судеб государства эпохи, так и с субъективными, с точки зрения имманентной литературной истории, обстоятельствами: вряд ли когда можно говорить о критике, если сама литература, в сущности, только начинает быть.

Неудивительно поэтому, что первый печатный литературно-критический прецедент был создан за пределами Осетии, именно небольшой статьей А.С. Хаханашвили «Движение к просвещению в Осетии» [2]. Автор статьи дает общую оценку осетинскому просвещению, указывая роль в этом процессе барона Услара и академиков Шегрена, Шифнера и Миллера и местной интеллигенции (А.З. Кубалова, Г.В. Баева и др.), и кратко характеризует

* Хугаев Ирган Сергеевич – д. ф. н., ведущий научный сотрудник ВНИЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

¹ С 1881 по 1885 гг. К.Л. Хетагуров учился в Петербургской академии художеств.

жанрово-тематическое содержание вышедшего накануне сборника стихотворений Коста Хетагурова «Ирон фандыр» («Осетинская лира»). Важно, что Коста полагается здесь в контекст секуляризации осетинского просвещения и зарождения национальной литературы; поэтому при небольшом объеме и некоторых фактографических неточностях публикацию Хаханашвили следует считать первой рецензией на «Осетинскую лиру» Коста Хетагурова.

Впрочем, это если не иметь в виду отзывы первых читателей Коста – именно издателя Гаппо Баева и цензора Христофора Джиеова. Характерно, что Г.В. Баев не смог увидеть в произведениях Коста нечто большее, чем просто «легкую поэзию» и «прелестные вещицы» [3, с. 36–37]. В то же время Х.З. Джиеов, незаслуженно «репрессированный» советским литературоведением цензор «Осетинской лиры», в своем рапорте попечителю Кавказского учебного округа отмечает, что стихи Коста «имели бы благотворное влияние на смягчение грубых нравов осетин» и «послужили бы прекрасным материалом для первоначального чтения» [4, с. 552]. Рапорт Х. Джиеова несколько выходит за рамки чисто идеологической экспертизы и может, на наш взгляд, считаться образцом самого раннего осетинского хетагуроведения, поскольку в нем верно угадана позитивная (просветительская и педагогическая) ценность произведений Хетагурова для осетинской культуры.

Заметным прижизненным отзывом на творчество Хетагурова стала опубликованная 3 августа 1904 года в газете «Северный Кавказ» статья «Коста Хетагуров и осетинская интеллигенция» [5], в которой Коста характеризуется как поистине народный поэт, песни которого в Осетии «распеваются на всех пиршествах, свадьбах, семейных, общественных торжествах», отмечаются заслуги Хетагурова как создателя грамматики осетинского языка и яркого публициста. Это серьезные, далеко идущие квалификации, и впредь они себя оправдали. Особо следует отметить понятие народности (писателя и творчества), которое применительно к Коста Хетагурову следует понимать не как почетное звание, чем оно и является сегодня в традиции некоторых национальных литератур России, а именно как главное сущностное свойство идейно-художественной концепции. Устами Коста заговорил поэтический гений народа, через него выразились впервые в таком полном объеме этические, политические и даже экономические чаяния.

Образно говоря, в то время, даже до издания книг Коста, единственным хетагуроведом был осетинский народ, из уст в уста передававший его устные речи, содержание его публицистических статей, его стихи.

Отношение к Коста со стороны народа и прогрессивных кругов российской интеллигенции, которое сложилось к этому времени, ярко отражено в некрологах, опубликованных по его смерти. «Лю-

бимый поэт и публицист», «имя которого каждым осетином произносилось буквально с благоговением» («Терские ведомости»); «даровитый поэт», который «положил основание национальной литературы» («Санкт-Петербургские ведомости»), «народный поэт», человек «бескорыстной благородной натуры» («Лавина»); «первый проблеск на мрачном небе горской жизни», «художник и поэт, весь отдавшийся борьбе за интересы горцев» («Баку»); «апостол правды, любви, равенства и свободы», «гордость Осетии и всего Кавказа» («Терек») [4, с. 609–613.] – таков неполный ряд образов и эпитетов, в которых осмысливался вклад Коста Хетагурова в историю Кавказа и России, пример человека, который он показал своим соплеменникам.

Со стилистической стороны эти некрологи обязывают заметить, что Коста умер в момент активной классовой борьбы и революционной работы, что и определило их романтическую риторику, в свою очередь на многие десятилетия вперед задавшую тон научному хетагуроведению. То же относится и к первым попыткам воплощения образа Коста в поэзии, например, в стихотворении Георгия Цаголова «На смерть Коста Хетагурова»: *«Прощай, наш старший брат!.. У дорогой могилы // Клянемся мы тебе любить родной наш край, // Работать для него, покуда будут силы, // Вести вперед его... Прощай, Коста, прощай»* [6, с. 50].

Но одна из квалификаций выходит за рамки чисто идеологических толкований: «19 марта, – писали «Терские ведомости», – скончался знаменитый осетинский и известный русский поэт Коста Хетагуров» [4, с. 608]. При всей некорректности этой дизъюнкции [7, с. 2–6] со строго филологической точки зрения, важно, что она акцентирует литературный билингвизм Коста и выказывает понимание того, что русскоязычная поэзия Хетагурова не достигает степени совершенства, которой отличаются его произведения на родном языке.

В 1906 году, уже после смерти поэта, на «Осетинскую лиру» отозвался один из основоположников научного осетиноведения академик В.Ф. Миллер: «Даже при моем несовершенном знании языка я вполне оценил в «Ирон фандыре» теплоту чувства, художественность выражений и красоту стиха безвременно сошедшего в могилу поэта. Многие из стихотворений Коста должны стать общенародным достоянием, если еще не стали таковыми. Будем надеяться, что даровитый народ, столь энергично стремящийся к просвещению, к завоеванию приобретений общечеловеческой культуры, даст из своей среды других Хетагуровых, которые, подобно Коста, будут вести народ к свету и истине» [8, с. 6–7]. Авторитетная и лишенная излишнего пафоса оценка академика Миллера прочно и окончательно связала имя Коста с чаяниями и судьбой осетинского народа, входящего в качественно новый период своей истории.

Таким образом, уже в начале XX века Коста Хетагуров был для осетинского общественного созна-

ния тем же, чем Пушкин был для русского – он тоже был «солнцем» национальной литературы². Это солнце вечно рассветное, восходящее; физическая смерть Коста, которая стала объективно вехой литературной истории, только выявила его подлинное значение. Национальная литература не существует без своих «святых мощей»; смерть ее гения, основоположника подчас дает ей мощнейший импульс к дальнейшему развитию.

Однако, как пишет В.Д. Абаев, «после грандиозных похорон Коста Хетагурова в 1906 году произошел какой-то перелом в отношении к памяти покойного поэта. Объяснялось это тем, что после поражения первой русской революции начали давать себя чувствовать упадничество, декаданс, богоискательство, которыми были охвачены и некоторые слои осетинской интеллигенции», в силу чего «могила его оказалась запущенной, труды перестали издаваться. Нигде нельзя было достать произведений поэта на русском или осетинском языке» [9, с. 128].

Сборник русскоязычных стихотворений Коста 1895 года так и не нашел отражения в критике вплоть до 1909 года, когда в Ростове была издана книга Гуго Дзасохова «Коста Хетагуров», включившая в себя первый критико-биографический очерк о поэте, который, между прочим, знаменовал зарождение осетинской литературной критики в строгом смысле слова.

Очерк Г.И. Дзасохова содержит методологическое указание билингвизма Коста Хетагурова, хотя еще без осознания того факта, что этот индивидуальный билингвизм есть начало осетинского литературного билингвизма в широком смысле, и фиксирует основоположение Хетагуровым осетинского литературного языка. На поверку, трактовки Г.И. Дзасохова свободны от излишней идеологизации поэтического наследия Коста, которую автор трактует как собственно лирику [10, с. 304]. Еще более решительно высказывался в этом смысле ставропольский товарищ Коста Алексей Гуцин: «Хетагурова мало интересовали интриги людей, для коих он всегда старался подыскать “смягчающие вину обстоятельства”. Этот благородный склад его души заметен и в произведениях поэта, и если в некоторых из них он и выступает как обличитель, то скорее по долгу литератора-гражданина, чем по призванию. Призвание же его – чистейший лиризм...» [11, с. 138].

Демократическая часть осетинской интеллигенции считала долгом сохранение памяти Коста и предпринимала соответствующие меры в своей общественной работе. В частности, в 1911 году «было подано ходатайство об открытии Ардонской библиотеки-читальни имени Коста Хетагурова».

Однако власти Терской области отказали в этом ходатайстве, увидев в учреждении такой библиотеки «средство к пробуждению национального самосознания осетинского племени», которое могло бы повести «лишь к усугублению национальной обособленности среди окружающих народностей в ущерб безопасности и спокойствию области» [12, с. 159]. Это «подозрение» в национализме со стороны государства и впредь сопутствовало образу Коста и его творческому наследию.

После периода относительного забвения, в 1915 году, в газете «Терек» было опубликовано стихотворение Андрея Гулуева «У могилы Коста», которое имело в осетинском обществе заметный резонанс. Характерна в нем ассоциация Коста с вещим Баяном («Вот и могила Баяна родимого!..») и революционно-романтическая трактовка образа Коста накануне Октябрьской революции. На стихотворение обратил внимание С.М. Киров³, снабдив его редакционным послесловием, в котором он поднял вопрос «о достойном увековечении имени... осетинского поэта» [9, с. 129]. Так литературное наследие Коста Хетагурова, подобно кладу, лежащему «до востребования», попало в руки людей, делавших революцию 1917 года. Этим во многом была решена его дальнейшая судьба: Коста окончательно прославила Революция, за что Революцией был «присвоен» голос Коста. И это понятно: бывают моменты, когда политика нуждается в поэтах больше, чем поэты в политике. Годы Гражданской войны в Осетии были характерны острой идеологической борьбой различных социальных групп, одной из которых было контрреволюционное духовенство и офицерство, и едва ли не все желали иметь имя Коста на своем знамени. «Известно, что осетинское духовенство еще с 1916 года приступило к идеологической обработке общественного мнения в том направлении, чтобы объявить Коста святым, к святой могиле которого надо подходить с разутыми ногами и непокрытой головой» [14].

В советское время началась работа по методическому изучению, систематизации и публикации творчества осетинского писателя, что стало возможным во многом благодаря основанию в 1919 году Осетинского историко-филологического общества и научно-исследовательского института. В 20-х годах региональная и осетинская пресса начинает счет годовщинам смерти и юбилеям поэта, публикуются в печати ранее не издававшиеся произведения Коста Хетагурова (вышло в печати и новое издание «Ирон фандыра»), переводятся его произведения как с русского на осетинский, так и с осетинского на русский, проводятся вечера памяти, на которых читаются доклады и сообщения о его творчестве, на страницах прессы появляются

² Напомним, что, соответственно, в некоторых концепциях периодизации осетинской литературы (как, например, у Н.Г. Джусойты) один из важнейших рубежей литературного процесса фиксируется 1902 годом, когда Коста фактически завершил свой творческий путь.

³ С 1909 г. Киров работает во Владикавказе; с этого времени начинается новая полоса в развитии печати на Северном Кавказе. Все больший удельный вес приобретает теперь революционно-демократическая пресса, к которой относился и «Терек» [13, с. 9].

ся литературно-критические статьи (Ц. Гадиева, А. Тибилова, Г. Бекоева, С. Бритаева, Х. Дзгоева, З. Алхазова, Дз. Елбаева и др.), в которых Коста трактуется прежде всего как «защитник интересов трудового народа» [15, с. 13].

В то же время литературный процесс подвергался актам неоправданного внешнего давления со стороны государственных и партийных органов, причем зачастую в прежнем, восходящем к дореволюционному, идеологическом дискурсе. Так, одна из «Записок» 1928 г. начальника информационного отдела ОГПУ Н.Н. Алексеева в ЦК ВКП (б) указывала, что в Северной Осетии «в систему самого преподавания внесен националистический элемент – изучение на первом месте осетинской истории и обучение детей песенкам поэта Коста» [12, с. 160].

В результате репрессий 30-х годов осетинская интеллигенция понесла невосполнимые утраты. Были сосланы или расстреляны десятки представителей творческой и научной интеллигенции, в том числе филологи, писатели и поэты. Многие из них, что характерно, были в свое время лично знакомы с Коста; таким образом, опосредованно репрессиям подвергался и Коста Хетагуров, его имя и его идейно-художественное наследие. Особо следует в этой связи отметить судьбу Цоцко Амбалова, который погиб в 1937 году и которому вменяли участие в создании контрреволюционной буржуазно-националистической организации (по некоторым определениям – партии) «Круг Коста» («Осетинский национальный круг»), которая в свое время преследовала цель объединения Осетии «вне всяких партийных, сословных, религиозных, классовых и родовых делений» и «противодействие порокам самого осетинского общества» [12, с. 161].

Преувеличенно ревностное отношение властей ко всякому проявлению, с одной стороны, национальной самобытности, а с другой – к отсутствию должного «исторического чувства», влекло за собой известные «перегибы» на местах, и это не могло не сказаться на филологических дефинициях. В периодической печати 30-х годов время от времени звучат отдельные голоса, так или иначе намекающие то на «буржуазность», то на «национализм», то на «космополитизм» Коста Хетагурова. И, естественно, поэтическое и публицистическое наследие Коста давало, как подлинное искусство, достаточно материала для иллюстрации и подтверждения любых, и даже полярных, подозрений и обвинений.

Соответственно, в советской литературной энциклопедии 1934 г. в статье Губади Дзагурти «Осетинская литература» Коста Хетагуров характеризуется как «выходец из феодально-дворянской среды», «религиозно настроенный пессимист» [16, с. 6], несвободный от националистических предубеждений. Но дело здесь, как нам представляется, вовсе не в преднамеренной «фальсификации» [там же] и не в желании принизить значение Коста, а в стремлении охарактеризовать его в парадигме актуальной на тот момент типологии и терминологии.

1939 год стал переломным в истории творческого наследия Коста. «20 ноября в Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ) состоялось торжественное собрание партийных и общественных организаций, посвященное 80-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. Доклад о жизни и творчестве поэта сделал Татари Епхиев. На собрании выступили поэт Городецкий, драматург Погодин, академик Луппол, представители братских республик» [17]. 21 ноября в столице Северной Осетии состоялся расширенный Пленум Союза писателей СССР, который открыл А. Фадеев. На Пленуме со своими докладами выступили А. Малинkin («Жизнь и творчество Коста Хетагурова»), Д. Мамсуров («Коста Хетагуров и осетинская литература»), академик И. Луппол («Коста Хетагуров и русская литература»), М. Шагинян («Коста-публицист»). 29 декабря чествования «великого осетинского народного поэта и общественного деятеля» были завершены торжественным заседанием в Москве, в колонном зале дома Союзов. «Каждый народ, – писала в те дни газета «Правда» в большой передовой статье, – рождал героев, поднимавших людей на бой против рабства, за свободу и счастье... Таким героем для осетинского народа являлся Константин Леванович Хетагуров» [9, с. 182].

По верному наблюдению Х.Н. Ардасенова, проведение указанных торжеств значительно «оживило литературоведение и критику, способствовало более глубокой оценке творчества дореволюционных и советских писателей Осетии» и положило начало научному изучению творчества К. Хетагурова [18]. В самом деле, материалы юбилейной сессии можно считать документом, заложившим основу современному хетагуроведению. В них прозвучали тезисы о хетагуровском билингвизме и его культурных предпосылках (А. Адалис, В. Иванов), о месте и роли Коста в революционно-освободительном движении («звено, связывающее революционеров-разночинцев... с поколением пролетариев») (В. Иванов, И.К. Луппол), о связи идейно-художественной концепции Коста с наследием М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Надсона, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, М. Горького (И. Сельвинский, М. Шагинян), о творческой личности Хетагурова («Леонардо да Винчи осетинского народа»), о национальной форме и интернациональном (социалистическом) содержании творчества писателя (А.А. Фадеев), о значении Коста в становлении осетинской литературы (А. Малинkin, Д. Мамсуров) [19].

Как писала позже «Литературная газета», «благодаря развернувшейся в дни юбилея работе Коста перешагнул рамки осетинской культуры и встал в ряды крупнейших поэтов народов Советского Союза» [20, с. 6]. Действительно, с 1939 г. к началу ВОВ большими тиражами вышли в печати стихотворения К.Л. Хетагурова в переводах Н. Тихонова, Н. Ушакова, А. Безыменского, П. Панченко, Б. Брика, Б. Иринина, Е. Благиной, В. Аврущенко, С. Олендера, А. Шпирта, П. Семьиной, Д. Кедри-

на, не говоря уже о многочисленных публикациях в периодической прессе, а Борис Серебряков выполнил полный перевод «Ирон фандыр» на русский язык. Сборники произведений Коста, снабженные критико-биографическими справками, вышли на 8 языках народов СССР, а в периодических изданиях стихотворения Коста Хетагурова были опубликованы уже на 20 языках народов Советского Союза.

Во время Великой Отечественной войны интерес к творчеству К.Л. Хетагурова не ослабевает: образ Коста символизирует патриотизм осетинского народа и его веру в победу; переиздаются его произведения, проводятся вечера памяти в учебных заведениях Осетии. 1 января 1943 г., в честь освобождения территории Северо-Осетинской АССР от немецко-фашистских оккупантов в г. Орджоникидзе состоялся митинг, а 2 января у могилы Коста собрались деятели культуры и искусства. П. Павленко и его чеченский коллега Дж. Яндиев возложили на могилу Коста венки с надписями: «Бессмертному певцу осетинского народа Коста Хетагурову. Внуки твои честно оправдали твою надежду – они защитили телами своими ворота города. От Союза писателей СССР»; «Учитель! У твоей могилы пишу о потомках твоих, о сынах Северной Осетии, твой друг и потомок в искусстве, русский писатель П. Павленко» [21, с. 396].

Во второй половине 40–50-х гг. в прессе, наряду с написанными прежде статьями Арсена Коцоева, Нигера (Ивана Джанаева), Коста Фарниона, появился ряд новых статей: «Коста Хетагуров» Татари Епхиева, «Народный поэт Осетии» Л. Рябинина, «Традиции Коста Хетагурова в осетинской литературе» Казбека Гутиева и др. Значительным вкладом в дело изучения творчества поэта явились исследования Л. Семенова «К вопросу об отношении Коста Хетагурова к русской культуре» (Орджоникидзе, 1955), Н. Джусойты «Коста Хетагуров» (Сталинири, 1958), З. Салагаевой «Коста Хетагуров и осетинское народное творчество» (Орджоникидзе, 1959), С. Габараева «Мировоззрение Коста Хетагурова» (Москва, 1959).

Наиболее симптоматичные оценки для этого этапа развития хетагуроведения и вообще осетинского гуманитарного знания высказал С.Ш. Габараев, хронологически первый в Осетии доктор философских наук и первый профессор Южной Осетии. Коста Хетагуров предстает в его исследованиях как поэт четких «революционных убеждений» [22, с. 142], «идеолог революционного крестьянства» [22, с. 117], нацеленного на «уничтожение существующего строя путем крестьянской революции» [22, с. 142], «вождь осетинского трудового народа» [22, с. 263]. При этом С.Ш. Габараев подчеркивает, что «этическим воззрениям Коста свойственны многие недостатки домарксистских учений о морали»: здесь, на наш взгляд, начинается период вульгарно-социологических трактовок творчества К.Л. Хетагурова. По Габараеву, все дореволюционные осетинские писатели – и Гасиев, и Кануков,

и Хетагуров и др. – обладали так или иначе «ограниченным мировоззрением» и характеризуются «недостатками во взглядах на важнейшие вопросы общественной жизни» [22, с. 110] – на поверку, просто потому, что «не успели стать марксистами. Все они в той или иной мере были тем, чем Вергилий был в системе образов Дантовой «Божественной комедии»: язычниками, навсегда лишенными Царства небесного и обреченными на вечное чистилище, каковым (чистилищем) для первых национальных просветителей и была наша коммунистическая критика» [23, с. 4].

Следующей важной вехой в развитии хетагуроведения стали всесоюзные торжества 1959 года, посвященные 100-летию со дня рождения Коста. Они проходили в целом по тому же сценарию, что и юбилей 1939 года, только гораздо более помпезно. 23 октября в Кремлевском театре состоялся вечер, организованный Союзом писателей СССР, Российской федерации и Северной Осетии. Выступление на этом вечере секретаря правления СП СССР Н. Тихонова, в котором был дан «подробный анализ революционной поэзии и пламенной публицистики Коста Хетагурова на всех этапах его творческой деятельности» [9, с. 184], в известной мере определило впредь идеологический курс. Коста окончательно утверждается в общественном и литературном сознании осетинского и других народов СССР как основоположник осетинской литературы и осетинского литературного языка, революционный демократ, гуманист, «поэт дружбы народов, писатель-борец... писатель-гражданин» [9, с. 197]. К этому времени Коста Хетагуров становится одним из самых популярных героев осетинской литературы, – и не только: ему посвящают свои произведения писатели и поэты «братских» народов и республик; его образ становится органичной и неотъемлемой частью культурного обмена. Показательно в этом смысле стихотворение украинского поэта Терентия Масенко «Привет родине Коста», которое начинается словами: «Кобзе Тараса горы внимают, // В степях Украины фандыр поет. // На праздник поэтов своих собирает // Наш богатырский свободный народ...» [24, с. 172] В 60-х годах отдельные тексты Хетагурова переведены и опубликованы за рубежом: во Франции, Польше, Чехословакии, Египте и т. д., и на этом пике славы Коста Хетагурова закономерно и естественно начинают проявлять себя косные, инертные процессы литературно-критического и научного процесса.

В эпоху стагнации ежегодные помпезные чествования К.Л. Хетагурова постепенно превращались в рутинные мероприятия, в симулякры той любви, которую должен и может испытывать народ к своему поэту. Нередко подлинное знание Коста подменялось способностью механического цитирования его отдельных строк и афоризмов. С течением времени литературное общественное сознание ограничилось, в сущности, методическим и неустанным тиражированием дюжины наиболее

известных и выразительных стихов, отчего они, наконец, стали терять и в выразительности. Литературоведение все откровеннее демонстрировало засилье заштампованных эпитетов: «совесть народа», «светоч народа», «народный гений», «великий осетин», «художественный гений осетинского народа» [25, с. 15]; «краеугольный камень», «энциклопедия осетинской жизни» [26, с. 29], «недосягаемая вершина» [27, с. 545] и т. д.

Конечно, 70–80-е годы, несмотря на декларативный дух, проникнувший собой гуманитарные науки, стали в деле изучения творческого наследия Коста довольно плодотворными, благодаря исследованиям, монографиям и статьям Н. Джусойты, Б. Корзуна, В. Абаева, Ш. Джикаева, З. Салагаевой, К. Гагкаева, М. Тотоева, А. Хадарцевой, С. Сабаяева, В. Цаллагова, С. Марзоева, Р. Комаевой и др. И все же в течение этих десятилетий образ Коста в осетинском общественном сознании подвергается определенной моральной коррозии, внешним признаком которой оказывается, на поверку, известный «хрестоматийный глянecь»: маяковский «елей» и «культ личности» Коста иногда очевидно вредил литературоведческой науке.

Возобладавшие в литературоведении социологический подход и марксистский метод в их популярном варианте оттесняли на периферию филологического рассмотрения многие наиболее тонкие явления хетагуровской поэтики. Не случайно высказал свою озабоченность таким положением вещей академик В.И. Абаев: «...в обширной литературе, посвященной Коста, интерес исследователей сосредоточен преимущественно на его общественной, гражданской позиции, на... содержании его произведений. (...) Но не следует забывать и о других аспектах поэтического гения Коста, без которых он не был бы тем, кто он есть. Я имею в виду то, что можно назвать словесным мастерством поэта...» [28, с. 557].

Вряд ли можно с уверенностью сказать, что пожелание В.И. Абаева исполнено; даже в постсоветский период, открывший объективно новые возможности, работа в основном продолжается по комфортным направлениям проблемно-тематического содержания творчества К.Л. Хетагурова и сводится, скорее, к количественным накоплениям, нежели к качественным приобретениям. Хотя некоторые исследования последнего времени — «Музы Коста» М.Л. Чибировой (2009), «Ономазиологический лексикон языка "Осетинской лиры" К.Л. Хетагурова» Е.Б. Бесоловой (2013), «Поэтическая вселенная К.Л. Хетагурова в словарном измерении ("Осетинская лира")» И.В. Мамиевой (2013), «Коста Леванович Хетагуров: Научная биография» И.С. Бигулаевой (2015) — представляют собой важный вклад в хетагуроведение.

Думается, словесное мастерство и формальная специфика хетагуровской просодии в наибольшей степени открылась осетинским билингвальным переводчикам, которые до сих пор, к сожалению,

не обобщили и не концептуализировали свой опыт. В материалах последних международных научных конференций, посвященных 140-летию и 155-летию со дня рождения Коста Хетагурова, состоявшихся во Владикавказе соответственно в 1999 и в 2014 годах и представляющих собой последнее слово в хетагуроведении, в большей мере подводятся итог столетнему труду биографов, критиков, историков и теоретиков литературы, культурологов, искусствоведов и социологов. В целом они констатируют, что «Коста Хетагуров давно перерос узконациональные рамки и стал в один ряд с великими общероссийскими именами, образующими золотой фонд отечественной культуры», что «вместе с ним в российское сердце вошла вся осетинская культура, к которой Коста Хетагуров пробудил в России постоянный интерес и сердечное участие» [29, с. 19].

Современный этап развития хетагуроведения характерен рядом неявных, но симптоматичных дискуссий.

Во-первых, несмотря на очевидность единственно правомерных и объективных алгоритмов решения вопроса, литературоведы еще не согласовали квалификацию транслингвальной, русскоязычной части литературного творчества Коста. Есть понимание того, что это русскоязычное наследие является частью осетинской культуры: хотя эти тексты «не были доступны широким народным массам, и потому в развитии самой осетинской литературы не сыграли такой значительной роли, как произведения, написанные им на родном языке (...), нет необходимости доказывать, что в условиях дореволюционной Осетии Хетагуров ни на каком-либо другом языке не смог бы принести столь ощутимой практической пользы своему народу. (...) Хетагуров, создавая часть своих произведений на русском языке, заботился не о приумножении национальных традиций русской литературы, а о решении тех актуальных проблем, которые стояли перед осетинским народом, в том числе и о создании своей национальной литературы» [30, с. 11–12]. Но нет решимости признать, что транслингвальная часть творчества Коста — это собственно национальная осетинская русскоязычная литература [31, с. 2–6], что билингвальное творчество Коста, первого осетинского билингвального автора, есть модель осетинской билингвальной литературы [32, с. 65], и некоторые ученые и писатели склонны разделять известную точку зрения профессора Н.Г. Джусойты: «...национальная литература может существовать лишь на национальном языке, (...) создание национальной литературной традиции на инонациональном языке — фикция» [33, с. 45].

Во-вторых, вызывает вопросы деидеологизация литературного наследия Коста, приемы его высвобождения из «прокрустова ложа» исторического материализма, не всегда убедительные ввиду наметившейся тенденции к полярным толкованиям в духе «религиозности» и «православия». В 1999 г.

действующий президент РСО-А А.С. Дзасохов выразил надежду, многим на тот момент казавшуюся правомерной: «...Может быть, его (Коста Хетагурова. – И.Х.) чистая жизнь позволит в скором будущем приобщить его к лику святых» [34, с. 10]. Сегодня так вопрос уже не ставится, но некоторые исследователи ставят во главу угла литературного наследия Коста «религиозно-мифологический аспект» и постулируют его «религиозную подоплеку» [35, с. 1–3], либо утверждают, что наследие Хетагурова «свидетельствует о православном, христианском облике осетинского поэта», что «крепость веры для классика осетинской литературы была в Евангелии» [36]. Очевидно, это натяжки; только наша собственная мнимая религиозность заставляет нас подозревать Коста в религиозных настроениях. При условии нашей подлинной религиозности мы были бы свободны от подобных суетных наклонностей. Коста не был ни атеистом в строгом смысле слова, ни глубоко верующим христианином. Атеизм осетинской интеллигенции никогда не достигал базаровской возгонки, а православие – той напряженности, которая свойственна Алексею Карамзову; религиозное сознание Коста полностью соответствовало мере и стилю общесетинской религиозности. Другое дело, что Коста показал пример осетина нового типа и своим творчеством сформулировал и утвердил новые нравственно-этические нормы для соплеменников, которые пребывали еще в жестких патриархальных устоях, – и в этом смысле он дал-таки осетинам свой «новый завет» [37, с. 275].

В-третьих, ввиду объективного существования в Осетии двух литературно-языковых традиций (на основе иронского и дигорского диалектов), некоторые исследователи и писатели считают правомерным и желательным внести уточнения в тезис о том, что Коста Хетагуров является собственно основоположником осетинского литературного языка, – тезис, долгое время принимавшийся без оговорок. Так, проф. М.И. Исаев констатировал: «...у осетин существует и другой литературный язык – дигорский, и, соответственно, дигорская художественная литература. Их основоположниками считаются... Блашка Гурджибеков и Георгий Малиев» [38, с. 40–41]. Такую позицию, разделяемую большей частью выходцев из дигорских обществ, нельзя считать безосновательной, но, когда речь идет об осново-

положении национальной литературы, брать в учет диалектный билингвизм было бы контрпродуктивно; тем более, что Гурджибеков и Малиев безусловно считали Хетагурова своим учителем и предшественником в осетинской литературе.

Итак, содержание и динамика хетагуроведения, являя собой концептуальную часть научного осетиноведения, тесно связаны с внешними общественно-историческими реалиями и одновременно определяются имманентными факторами процесса познания. Понятийная парадигма этого познания широка и многообразна; образ Коста – и обобщенный образ его наследия – явление живое и подвижное. Но стоит заметить, что семантическое ядро этого образа, как это и бывает с подобными феноменами, остается в общем неизменным и стихийно сохраняется в памяти широкой народной массы, а динамические трансформации касаются лишь его периферийных областей и зависят от политических реалий и популярных научных методологий. Здесь-то Коста и предстает то националистом – то космополитом, то буржуазным идеологом – то вождем трудового крестьянства, то декадентствующим пессимистом – то революционным романтиком, то воинствующим атеистом – то святым.

Регистр интерпретаций личности Коста Хетагурова можно условно заключить между семантически полярными скульптурными решениями – памятниками работы С.Д. Тавасиева (1955) и В.Б. Соскиева (2010). Первый – произведение монументального соцреализма, представляющее Хетагурова героем-просветителем в расцвете творческой и физической мощи, а второй изображает поэта в модернистском ключе, удрученного недугами и безрадостными думами. Несмотря на их противоположность, они оба дороги осетинскому сознанию, и сливаются на тонком ментальном уровне в единый и нерушимый образ, – образ в определенном смысле трансцендентный, всегда ускользающий от прямого взора, но единственно реальный и вечный. Ибо «как бы мы высоко не ценили триумфаторов прогресса, – писал В.С. Соловьев, – но высочайшее достоинства человека, вызывающее к нему полноту одобрения и сочувствия, состоит не в том, чтобы побеждать во времени, а в том, чтобы хранить пределы вечные, одинаково священные для прошедшего и для будущего» [39, с. 300].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабисова А. (2019). Сергей Хугаев: «Трудолюбие – главный талант человека» // Сайт sputnik-ossetia.ru. 18 января [Беседа с народным писателем Осетии С.З. Хугаевым]. (https://sputnik-ossetia.ru/North_Ossetia/20190118/7921278/Sergey-Khugaev-trudolyubie--glavnyy-talant-cheloveka.html)
2. Хаханашвили А.С. Движение к просвещению в Осетии // Иверия, 1899. № 136. 29 июня.
3. Баев Г.В. Письмо к К.Л. Хетагурову от 16 июля 1893 г. // Хетагуров К.Л. Собр. соч.: В 5 т. – М.: АН СССР, 1961. Т. 5.
4. Летопись жизни и творчества Коста Хетагурова // Хетагуров К.Л. Собр. соч.: В 5 т. – М.: АН СССР, 1961. Т. 5.
5. К. С – Ъ. Коста и осетинская интеллигенция // Северный Кавказ. 1904. № 92. 3 августа.
6. Цаголов Г.М. Собр. соч.: В 3 т. – Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1. С. 50.
7. Хугаев И.С. О границах и критериях транслингвальной национальной литературы // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. № 1. С. 2–6.

8. Коста Хетагуров. Библиографический указатель. – Орджоникидзе: Ир, 1979.
9. Абаев В.Д. Коста Хетагуров и его время. – Тбилиси: Заря Востока, 1961.
10. Дзасохов Г.И. Коста Хетагуров. Критико-биографический очерк // Дзасохов Г.И. Жизнь и творчество. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2011.
11. Гуцин А. Памяти поэта Коста // Коста Хетагуров: Критико-биографический очерк, стихотворения, письма и воспоминания, документы к биографии, портреты. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. – Москва: «Менеджер», 1999.
12. Туаллагов А.А. К.Л. Хетагуров и его творческое наследие // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014.
13. Хоружев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе: Ир, 1871.
14. Дзагуров Г.А. О Цоцко Амбалоев // <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=1041>
15. Габараев С.Ш. Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Осетии второй половины XIX и начала XX века. – Владикавказ: ВНЦ РАН, 2016.
16. Ардасенов Х.Н. Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. С. 6.
17. «Социалистическая Осетия», 1939. 22 ноября.
18. Ардасенов Х.Н. Осетинская литература 1930-х гг. // <http://osetins.com/2007/10/29/print:page,1,osetinskaja-literatura-30-kh-godov.html>
19. Коста Хетагуров. Сборник памяти великого осетинского поэта. – Москва: Гослитиздат, 1941 г.
20. Малинкин А. Коста Хетагуров на языках народов СССР // Литературная газета, 1941. № 13.
21. Очерк истории осетинской советской литературы. – Орджоникидзе, 1967.
22. Габараев С.Ш. Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Осетии второй половины XIX и начала XX века. – Владикавказ: ВНЦ РАН, 2016.
23. Хугаев И.С. Фрагмент истории осетинской философско-гуманитарной парадигмы (об «Очерках» проф. С.Ш. Габараева) // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. № 1.
24. Мятажная лира горца: сборник материалов празднования 120-летия со дня рождения Коста Хетагурова. – Орджоникидзе: Ир, 1981.
25. Джусойты Н.Г. Коста Хетагуров. – Сталинир, 1958.
26. Джикаев Ш.Ф. Осетинская литература (краткий очерк). – Орджоникидзе, 1980.
27. Абаев В.И. Осетинский народный поэт Коста Хетагуров // Абаев В.И. Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ, 1990. Т. I.
28. Абаев В.И. Светоч народа // Абаев В.И. Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ, 1990. Т. I.
29. Баженова Н.М., Колпакова Н.В., Скворцова О.В. Творческое наследие Коста Хетагурова в академическом пространстве Санкт-Петербурга // Вестник Владикавказского научного центра, 2009. № 5.
30. Сабаев С.Б. Слово о творческом наследии К.Л. Хетагурова на русском языке // Сабаев С.Б. Литературно-критические статьи. – Владикавказ: СОГУ, 1996.
31. Хугаев И.С. О границах и критериях транслингвальной национальной литературы // Вестник Владикавказского научного центра, 2013. № 1.
32. Хугаев И.С. Осетинский Игедрасиль. Замечания к билингвальной концепции осетинской национальной литературы проф. Н.Г. Джусойты // Вестник Владикавказского научного центра, 2015. № 5.
33. Джусойты Н.Г. О национальной самобытности писателя. // Вопросы литературы, 1968. № 12.
34. Из выступления президента Республики Северная Осетия-Алания А.С. Дзасохова на пленарном заседании // Венок бессмертия: Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2000.
35. Салбиев Т.К. «Я смерти не боюсь...» (Осмысляя наследие Коста Хетагурова) // Пульс Осетии. 2017. № 12. (28 марта).
36. Мзюков А.Б. «И вера крепнет вновь...» (Коста Хетагуров. Стихотворение «Волшебной сказкою...») // Дарьял, 2017. № 5. http://www.darial-online.ru/2017_5/mzokov.shtml
37. Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ: Ир, 2008.
38. Исаяев М.И. Роль Коста Хетагурова в становлении осетинского литературного языка // Венок бессмертия: Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2000.
39. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. Т. 1.

«BOURGEOIS NATIONALIST», «REVOLUTIONARY DEMOCRAT», «ORTHODOX SAINT»: AN OUTLINE OF THE HISTORICAL PARADIGM OF KHETAGUROV STUDIES.

I.S. Khugaev

Dr., Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the process of assimilation of the creative heritage of Kosta Khetagurov by the Ossetian public and literary consciousness; it reveals the significance of his heritage for the Ossetian, North Caucasian and Russian fiction and journalism; it shows us a general overview of the complex of the most symptomatic judgments about the personality and work of K.L. Khetagurov, belonging by prominent figures of Ossetian and Russian science and culture; the most important moments of Khetagurov studies are recorded, indicating their socio-historical, cultural and ideological foundations; taking into account the historical dynamics of Khetagurov studies and current philological problems, a critical outline of its main modern positions and tendencies is offered.

Keywords: Ossetian literature, literary criticism, literary bilingualism and translanguism, enlightenment of the mountain peoples, Kosta Khetagurov, Khetagurov studies, ideology.

REFERENCES

1. Kabisova A. (2019). Sergej Hugaev: «Trudolyubie – glavnyj talant cheloveka» // Sajt sputnik-ossetia.ru. 18 yanvarya [Beseda s narodnym pisatelem Osetii S.Z. Hugaevym]. (https://sputnik-ossetia.ru/North_Ossetia/20190118/7921278/Sergej-Khugaev-trudolyubie--glavnyy-talant-cheloveka.html)
2. Hahanashvili A.S. Dvizhenie k prosveshcheniyu v Osetii // Iveriya, 1899. № 136. 29 iyunya.
3. Baev G.V. Pis'mo k K.L. Hetaurovu ot 16 iyulya 1893 g. // Hetaurov K.L. Sobr. soch.: V 5 T. – M.: AN SSSR, 1961. T. 5.

4. Letopis' zhizni i tvorchestva Kosta Hetagurova // Hetagurov K.L. *Sobr. soch.*: V 5 T. – M.: AN SSSR, 1961. T. 5.
5. K. S – «. Kosta i osetinskaya intelligenciya // *Severnyj Kavkaz*. 1904. № 92. 3 avgusta.
6. Cagolov G.M. *Sobr. soch.*: V 3 T. – Vladikavkaz: Ir, 1992. T. 1. S. 50.
7. Hugaev I.S. O granicah i kriteriyah translingval'noj nacional'noj literatury // *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*. 2013. № 1. S. 2–6.
8. Kosta Hetagurov. *Bibliograficheskij ukazatel'*. – Ordzhonikidze: Ir, 1979.
9. Abaev V.D. *Kosta Hetagurov i ego vremena*. – Tbilisi: Zarya Vostoka, 1961.
10. Dzasohov G.I. *Kosta Hetagurov. Kritiko-biograficheskij ocherk* // Dzasohov G.I. *ZHizn' i tvorchestvo*. – Vladikavkaz: Proekt-Press, 2011.
11. Gushchin A. *Pamyati poeta Kosta* // *Kosta Hetagurov: Kritiko-biograficheskij ocherk, stihotvoreniya, pis'ma i vospominaniya, dokumenty k biografii, portrety*. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1909 g. – Moskva: «Menedzher», 1999.
12. Tuallagov A.A. K.L. Hetagurov i ego tvorcheskoe nasledie // *Kosta i mirovoj istoriko-kul'turnyj process. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 155-letiyu so dnya rozhdeniya K.L. Hetagurova*. – Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2014.
13. Horuev YU.V. *Pechat' Tereka i carskaya cenzura*. – Ordzhonikidze: Ir, 1971.
14. Dzagurov G.A. O Cocco Ambalove // <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=1041>
15. Gabaraev S.SH. *Ocherki istorii filosofskoj i obshchestvenno-politicheskoj mysli v Osetii vtoroj poloviny XIX i nachala XX veka*. – Vladikavkaz: VNC RAN, 2016.
16. Ardasenov H.N. *Ocherk razvitiya osetinskoj literatury. Dooktyabr'skij period*. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. S. 6.
17. «Socialisticheskaya Osetiya», 1939. 22 noyabrya.
18. Ardasenov H.N. *Osetinskaya literatura 1930-h gg* // <http://osetins.com/2007/10/29/print:page,1,osetinskaja-literatura-30-kh-godov.html>
19. Kosta Hetagurov. *Sbornik pamyati velikogo osetinskogo poeta*. – Moskva: Goslitizdat, 1941 g.
20. Malinkin A. *Kosta Hetagurov na yazykah narodov SSSR* // *Literaturnaya gazeta*, 1941. № 13.
21. *Ocherk istorii osetinskoj sovetskoj literatury*. – Ordzhonikidze, 1967.
22. Gabaraev S.SH. *Ocherki istorii filosofskoj i obshchestvenno-politicheskoj mysli v Osetii vtoroj poloviny XIX i nachala XX veka*. – Vladikavkaz: VNC RAN, 2016.
23. Hugaev I.S. *Fragment istorii osetinskoj filosofsko-gumanitarnoj paradigmy (ob «Ocherkah» prof. S.SH. Gabaraeva)* // *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*. 2018. № 1.
24. *Myatezhnaya lira gorca: sbornik materialov prazdnovaniya 120-letiya so dnya rozhdeniya Kosta Hetagurova*. – Ordzhonikidze: Ir, 1981.
25. Dzhusojty N.G. *Kosta Hetagurov*. – Stalinir, 1958.
26. Dzhikaev SH.F. *Osetinskaya literatura (kratkij ocherk)*. – Ordzhonikidze, 1980.
27. Abaev V.I. *Osetinskij narodnyj poet Kosta Hetagurov* // Abaev V.I. *Izbrannye trudy: Religiya. Fol'klor. Literatura*. – Vladikavkaz, 1990. T. I.
28. Abaev V.I. *Svetoch naroda* // Abaev V.I. *Izbrannye trudy: Religiya. Fol'klor. Literatura*. – Vladikavkaz, 1990. T. I.
29. Bazhenova N.M., Kolpakova N.V., Skvorcova O.V. *Tvorcheskoe nasledie Kosta Hetagurova v akademicheskom prostranstve Sankt-Peterburga* // *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*, 2009. № 5.
30. Sabaev S.B. *Slovo o tvorcheskom nasledii K.L. Hetagurova na russkom yazyke* // Sabaev S.B. *Literaturno-kriticheskie stat'i*. – Vladikavkaz: SOGU, 1996.
31. Hugaev I.S. O granicah i kriteriyah translingval'noj nacional'noj literatury // *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*, 2013. № 1.
32. Hugaev I.S. *Osetinskij Iggdrasil'. Zamechaniya k bilingval'noj koncepcii osetinskoj nacional'noj literatury prof. N.G. Dzhusojty* // *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*, 2015. № 5.
33. Dzhusojty N.G. O nacional'noj samobytnosti pisatelya. // *Voprosy literatury*, 1968. № 12.
34. *Iz vystupleniya prezidenta Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya A.S. Dzasohova na plenarnom zasedanii* // *Venok bessmertiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 140-letiyu so dnya rozhdeniya Kosta Hetagurova*. – Vladikavkaz: Proekt-Press, 2000.
35. Salbiev T.K. «YA smerti ne boyus'...» (Osmyslyaya nasledie Kosta Hetagurova) // *Pul's Osetii*. 2017. № 12. (28 marta).
36. Mzokov A.B. «I vera krepnet vnov'...» (Kosta Hetagurov. Stihotvorenie «Volshebnoj skazkoyu...») // *Dar'yal*, 2017. № 5. http://www.darial-online.ru/2017_5/mzokov.shtml
37. Hugaev I.S. *Genesis i razvitie russkojazychnoj osetinskoj literatury*. – Vladikavkaz: Ir, 2008.
38. Isaev M.I. *Rol' Kosta Hetagurova v stanovlenii osetinskogo literaturnogo yazyka* // *Venok bessmertiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 140-letiyu so dnya rozhdeniya Kosta Hetagurova*. – Vladikavkaz: Proekt-Press, 2000.
39. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra* // Solov'ev V.S. *Sobr. soch.*: v 2 t. – M.: Mysl', 1990. T. 1.